

**КОНСТАНТИН
ЖЕМЕР**

**«ПРЕЗИДЕНТ
В КОСМОСЕ»**

**ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

Константин Геннадьевич Жемер

Президент в космосе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29823152

SelfPub; 2018

Аннотация

Что случится, если нашего президента похитят инопланетяне?
Ответ здесь. В фантастической повести "Президент в космосе".

Президент в космосе

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

– Мы работаем в режиме пиковой нагрузки. У нас для Президента собрано уже девятьсот тысяч вопросов. Один из них мы выведем в эфир прямо с линии.

Секундная заминка.

– Здравствуйте! Как вас зовут?

Дозвонившийся представился и обратился к президенту по имени отчеству.

– Хочу спросить о третьем президентском сроке. Народу хотелось бы быть уверенным в завтрашнем дне. Может, стоит провести всенародный референдум? Внести правки в Конституцию?

На телекамере напротив президента загорелась красная лампочка.

«Опять то же самое, – подумал Владимир, – Пятнадцать лет прошло, а людям подавай пожизненных госсекретарей, как в Советском союзе. Как будто в то время жил я один».

Президент вздохнул и обезоруживающе улыбнулся.

– Знаете, – начал он, – я вижу свою задачу не в том, чтобы вечно сидеть в Кремле...

Свет в студии погас.

И включился снова.

Мигнул красный светодиод на камере. Только теперь свет полился дальше.

Застывшие лица ведущих окрасились в багрянец.

– Что за?

Красный свет заполнил все помещение.

Перед глазами плыло. Владимир помотал головой и огляделся.

Он стоял посреди пустой комнаты размером с волейбольную площадку. Стены, пол и потолок белоснежно белые. Ни дверей, ни окон. Похоже на операционную с вынесенной мебелью. Даже чувствуется слабый запах дезинфекции.

Мужчина невольно сделал шаг назад.

В двух шагах перед ним – там, где только что никого не было – стояло чудовище.

«Галюцианции, – решил Владимир, – какой-то газ, вроде американского «Би-Зет». Для обычного кошмара всё слишком натурально».

Впрочем, чудовище стояло смирно и при ближайшем рассмотрении не выглядело столь уж пугающим. Скорее неприятным, как карлики и уродцы. Несмотря на серый цвет кожи, несмотря на непропорционально большую голову, вросшую в тело, и огромный горб. Или не горб – возможно, это часть головы.

Чудовище даже не стояло – в привычном смысле. Оно парило в полуметре над полом. Ног нет, туловище укорочено и снизу заканчивается округлым металлическим набалдашником. Длинные тонкие руки висели вдоль туловища. Чуть наклонись вперед и монстр мог бы коснуться пола. Пальцы нервно подергивались.

Лицо – если можно это так назвать – хотя, наверное, можно – ведь есть глаза и рот. Так вот лицо напоминало глубоководную рыбу. Круглые белесые глаза без зрачков, ноздрей нет или не видно.

– Вы кто? – спросил Владимир.

Тонкий лишенный губ рот раскрылся. Наружу вырвались нелепые булькающие звуки.

Вперед вытянулась худая длинная рука. Владимир рефлекторно отпрянул. На морщинистой серой ладони лежала черная точка – то ли таблетка, то ли капсула.

«Или патрон, – подумал Владимир, – предлагают застрелиться».

– Где мы находимся? В Москве? – спросил он.

В ответ опять бульк-бульк. Кажется, горбатое чудовище поморщилось. Владимир различил слабый шум.

Стены, потолок и пол исчезли. Испарились, словно их никогда и не было. Со всех сторон простиралось кошмарное черное ничто, расчерченное белыми вспышками. Пустота притягивала взгляд. Кажется, еще секунда и упадешь в пропасть.

Владимир моргнул и все вернулось на места. Белые стены стояли так же неколебимо как раньше. Определенно похоже на отравление галлюциногенами. Или случилось покушение и сейчас за жизнь президента борются врачи, а ему пока мерещится всякая чертовщина.

Горбатое чудовище все еще стояло с протянутой рукой.

Окончательно решив, что перед ним галлюцинация, Владимир сказал:

– Я хочу вернуться, – и повторил, – Хочу вернуться домой.

Горбун булькнул.

– Домой! – снова сказал человек. – Слышите? Мне нужно домой!

Чудовище пару секунд помолчало, а затем пробулькало нечто смутно знакомое.

Владимир уставился на горбуна.

– Доомоой! Доомоой! – повторил инопланетянин и ритмично забулькал, – Гу, гу, гу!

Человек справедливо заподозрил, что над ним смеются.

Горбун закончил булькать и поднял вторую руку. Неестественно-длинный палец указал на черную таблетку на раскрытой ладони.

Владимир решил, что если это галлюцинация, то терять нечего. А если вокруг реальность – то убить его могли гораздо проще.

Таблетка оказалась гладкой на ощупь и холодной как лед. Но на ладони не таяла, на вкус похожа на жженный сахар.

Человек нахмурился. Возникло чувство, что в помещении объявился кто-то третий. И этот кто-то заглядывает через плечо. Владимир подавил желание оглянуться.

«Не волнуйтесь, это всего лишь я», – произнес чей-то голос.

Не разобрать даже мужской или женский.

«Если вам удобнее, пусть будет так, – произнес голос молодой девушки, – Как вы себя чувствуете? Я вас не сильно смущаю?»

– А должны? – спросил мужчина, невольно заозиравшись, но никого кроме горбуна не увидел.

«Не обязательно говорить вслух, – сказала невидимая девушка, – В некотором роде я нахожусь у вас в голове».

Владимир спросил:

«Вы как этот... как этот горбун?»

«Нет, – отвечала девушка, – Тот, кого вы называете горбуном, как и вы сами принадлежит к белковой форме жизни. И если сравнивать меня с вами, то, строго говоря, – меня не существует».

Человек ждал объяснения.

«В вашем языке нет для меня названия, – принялась объяснять собеседница, – Я информационная форма жизни, существую лишь в виде информации: информация накапливается, обрабатывается, передается от индивида к индивиду – и всё это я».

«Как Интернет?»

Девушка изобразила смешок.

«Если бы Интернет мог думать и говорить».

«Наверное, он рассказал бы много интересного», – невольно подумал Владимир.

Собеседница услышала мысль.

«Вы правы, – сказала она, – Иногда мне приходится быть третейским судьей, а иногда притворяться невидимкой».

– Может, представишь меня нашему гостю!

Говорил горбун.

– Можете звать меня Демосфен, – сказал он.

«У него странно шевелятся губы, как у куклы, – подумал человек, – Будто за него кто-то говорит».

«Владимир, я перевожу вам его слова, – сказала девушка, – Он говорит все тем же непонятным вам «бульканьем», но я его прекрасно понимаю и перевожу. Перевожу специально для вас, меня слышите только вы».

«А меня так же переведете для него?»

«Конечно. Хотя вы пока не сказали ни слова».

– Время уходит, – подал голос горбун.

– Что вы от меня хотите? – спросил Владимир.

– Ну наконец-то! – губы чудища шевелились несинхронно со словами и это несказанно раздражало. – Я боялся, что понадобится, как вашего предшественника убеждать, что все это настоящее. Что это не козни «дьявола» и не «рай» – кстати, концепцию «рая» я более менее понял, а вот сущность этого вашего «дьявола» от меня ускользает...

– Значит, вы реальны, – перебил Владимир излияния горбуна, – Но тогда что вы такое?

Чудище помолчало и махнуло рукой на стены вокруг.

– Неужели вид открытого космоса не натолкнул вас на мысль?

– Хотите сказать, вы инопланетяне?

– Строго говоря, для меня инопланетянин – вы. Но да, вы правы. Мы жители разных планет.

– Звучит, как абсурд, – хмыкнул Владимир.

– Наверное, – согласился инопланетянин Демосфен, – Не имею представления. Моя раса одна из первых вышла в космос. И мы стояли у истоков мирового сообщества. Поэтому на нас не выходили представители более развитой цивилизации и мне незнакома глубина культурного шока от такой встречи.

«Перевожу на понятный вам язык, – прокомментировал женский голос, – Он говорит про Галактическое сообщество. Хотя процессы на вашей планете несколько схожи. Только отстают».

– Вы сказали что-то про тысячи лет. Столько лет вашей цивилизации? Или вам самому?

«Он улыбается», – прокомментировал женский голос гримасу инопланетянина.

– Значит, вы бессмертны? – спросил Владимир.

– Не вполне, – ответил Демосфен, – Я не могу умереть от старости или болезни. Но меня по-прежнему можно убить. Хотя мало что во Вселенной меня убить может.

– А я?

«Я такое не переведу».

Владимир перефразировал:

– Бессмертна вся ваша раса? Или это медицинское достижение?

– Медицинское, – ответил инопланетянин, – Старение – это эволюционный механизм для отбора более выигранных генетических линий. Когда вид достигает в каком-то смысле совершенства – то этот механизм становится не нужен. Все разумные виды побеждают старость – кто-то техниче-ски, кто-то физически. И так же по-разному они пользуются бессмертием – одни бросают все силы на экспансию, другие сводят рождаемость к нулю и самосовершенствуются. Хотя каждая раса выбирает путь немножко отличный от других.

Демосфен на секунду умолк.

– Ваша подруга-переводчик торопит меня, – сказал инопланетянин, – Говорит, что вы вот-вот лопните от любопытства.

– Так точно.

– Ну и напрасно. Я же уже ответил. Вы тоже теперь в некотором роде бессмертны. Вам отменили программу старения, едва вы оказались на моем корабле.

– Спасибо, – сказал человек.

Инопланетянин махнул рукой.

– Не за что, – сказал он, – Мало того, что это делается автоматически, так еще и сугубо для моего удобства. Мне бы не хотелось каждые пятьдесят лет летать на вашу планету и выбирать там нового представителя. Путешествие занимает считанные минуты, но порядочно выматывает.

– Кого вы выбрали на Земле? – не понял Владимир.

– Конечно же! Прошу прощения! Я же до сих пор не сказал! Я был бы весьма благодарен, если бы вы приняли предложение стать представителем своей планеты в Галактическом совете.

Землянин сглотнул.

– А бессмертие – это аванс?

Инопланетянин помолчал.

– Никогда не рассматривал это с такой точки зрения, но если хотите – пусть так. Так вы согласны?

Землянин хмыкнул. Как будто может быть иной ответ, кроме «Конечно, да! Где расписаться?»

Дальняя стена гигантского помещения, похожего на стадион, поблекла, стала почти прозрачной. И через такую не до конца исчезнувшую стену начали входить люди.

Не люди, конечно – а инопланетяне.

Кого тут только нет!

Гигантские змеи с четырьмя парами коротких ручонок. Тонконогие, похожие на богомолы, создания. Массивные кентавры с телом бегемота, хотя туловище не вполне человеческое – только его напоминает, да и торчит гуманоидное туловище не там, где у бегемота была бы голова – а в районе задницы.

«Чего только не бывает!»

В метре над полом парили прозрачные стеклянные и непроницаемые металлические цилиндры – самых разных размеров: совсем крохотные и в два человеческих роста.

«Кто без скафандра, тот может дышать кислородом?» – мысленно спросил Владимир у переводчицы.

«Почему вы так решили? В цилиндрах те, кому требуется жидкая среда и определенное освещение, – сказала девушка и тут уже продолжила, – А! Вы думаете, что тоже дышите кислородом?»

«А разве нет?»

«Конечно, нет. То есть – да. Но не сейчас. Кислородная среда была только в стерильной комнате, где вы очнулись».

«Чем же я дышу?»

«Владимир, мы можем обсудить это позже, – сказала девушка, – сейчас начнется заседание. Его принято слушать».

– Слово предоставляется Председателю Совета!

Владимир краем глаза заметил, как подобрался Демосфен. Тонкие ручонки замерли на уровне отсутствующего пупка, плечи горбуна как могли встали прямо.

– Вы Председатель? – спросил человек.

– Это почетное звание, – отозвался инопланетянин, – Функции, как у ваших телеведущих. А власти нет никакой.

«Ну-ну», – подумал Владимир.

«Что это за эмоция? Что вы сейчас почувствовали?» – спросил женский голос.

Человек нахмурился.

В огромный зал, размером больше стадиона «Олимпийский», по узкому проходу спускался серый горбатый и безногий человечек. Трибуны, забитые самыми разными существами, по мере приближения Демосфена умолкали и успокаивались.

Никакой власти. Ну да.

«Что такое «недоверие»? – спросила невидимая переводчица.

Владимир следил за удаляющейся серой фигуркой.

«Я серьезно, – повторила девушка. – Я не могу понять. Я копаюсь в ваших воспоминаниях, но не могу понять».

Человек вспомнил Дрезден.

На улице разъяренная толпа. В руках железные прутья и камни.

Телефон с дисковым набором.

Владимир говорил официально, но сводилось все к одному:

– Нам нужна помощь!

Но в ответ тягостная тишина и вздох.

– Москва молчит!

«Не верить», – прозвучал в голове женский голос, – Что такое «не верить»? Я не понимаю. Хотите, спрошу наоборот – Что такое «верить»? Подумайте об этом, пожалуйста».

И снова в памяти звучит голос, измененный динамиком телефона:

– Москва молчит!

«Верить – это доверять кому-то. Доверять тому, что тебе говорят. Верить, что мысли человека не расходятся с его делами. Что ты можешь доверять его суждениям. Пока ты молод, верить очень просто. Но время идет и ты остаешься один. Находятся те, кто говорит: Верь мне! Но обычно это прелюдия ко лжи».

Серокожий горбун спустился к трибуне докладчика. Шум утих.

«Я никому не верю, – подумал Владимир, – Разве что моей собаке».

Демосфен начал махать руками.

«Он начал выступление?»

«Конечно».

«А почему без микрофона?»

«Потому что я перевожу его речь каждому слушателю. А

трансляция его, как вы выражаетесь, «бульканья» только бы отвлекала».

«А почему мне не переводите?»

«Это пока приветствие, – ответила девушка, – Оно довольно долгое. Я успею вам кое-кто объяснить».

Человек напрягся.

«Нет, ничего страшного, – заверила переводчица, – Но это ключевая особенность Галактики. Вы рискуете попасть впросак».

Владимир следил за происходящим в огромном зале, но приготовился внимательно слушать собеседницу. Она пока единственный источник информации.

«Как думаете, если Демосфен спросит вас о чем-то, и вы ему соврете – что сделаю я?» – спросила девушка.

«Хотите сказать, что вы увидите, что я вру?»

«Так точно, – по-военному отозвалась переводчица, – Меня создали с определенными алгоритмами, если хотите, с законами – наподобие физических законов. Основное условие моего существования – мне запрещено вмешиваться в жизнь разумных существ, помогать, мешать, вставать на чью-либо сторону».

Очень интересно.

«Второй закон моего существования, – продолжала девушка, – Я должна помогать всем цивилизациям понять друг друга. Напрямую Создатель не велел мне переводить чью бы то ни было речь. Он велел помогать понять друг друга. По-

этому если вдруг вы кому-то соврете, то я посчитаю, что вы ошиблись и так как я у вас в голове и знаю истинную информацию, то я вашими устами скажу правду».

Человек сглотнул.

«Вас это шокирует».

Владимир невольно кивнул.

Пятнадцать лет назад его оставили в Дрездене один на один с разгневанной толпой, и он позвонил в воинскую часть.

– Нам нужна помощь!

Но вместо «Москва молчит», он бы услышал другое:

– Я боюсь рисковать своей жопой. Мало ли как повернется. Пусть кто-то другой решает. Какого хрена вообще! У меня сегодня должен был быть выходной! Меня сорвали с дачи!

Вот так вот.

На что была бы похожа политика?

И кому вообще нужна политика, если нельзя врать?

Тогда же в Дрездене.

Страна его бросила.

Начальник – полковник КГБ, хватаясь за сердце, сбежал домой.

Так же поступили все сотрудники «штази», немецкой разведки. Когда туда явилась толпа, сотрудники распахнули двери и убрались с дороги.

В раскрытые окна летели бумаги с грифом «совершенно секретно». Пароли и явки. Работа нескольких десятилетий

вылетала в трубу.

Опьяненная легкой победой, толпа двинулась к отделению КГБ.

Владимир смотрел в окно.

Он остался старшим в этом дурдоме.

– Ты идешь со мной, – сказал он лейтенанту, – Надень солдатскую шинель, возьми автомат.

Короткая лесенка, узкий двор.

У ворот на территорию сгрудилось человек сто. Или больше. Или меньше.

Ночь. Видно только тех, что стоят в свете фонаря.

Владимир стоял и молчал. Минуту или две.

За спиной маячил автоматчик.

Рука лежала на кобуре. В пистолете Макарова полная обойма.

Если придется, он будет стрелять.

И это он сказал пришедшим людям.

Он просто сказал правду.

Инопланетный переводчик ничего не изменил бы.

Он сам был достаточно убедителен.

Люди ему поверили. И ушли.

«Ты действительно бы стрелял?» – спросил женский голос.

«Да, – вздохнул Владимир, – стал бы».

«Но ведь это чудовищно».

«Нет. Это такая работа. Это моя обязанность. Как у тебя

– переводить, не вмешиваться. Моя зона ответственности – безопасность. А безопасность может обеспечить только сила. И если не само насилие, то готовность на него пойти».

«Я нашла в твоей голове подходящую поговорку...»

«Про то, что если хочешь мира...»

«...Надо готовиться к войне. Теперь я поняла».

«Поняла, что такое «верить» и «не верить»?»

«Это тоже, – согласилась переводчица, – Но еще я поняла, почему Демосфен выбрал именно тебя».

Владимир отвел взгляд от оратора в центре «стадиона».

Поозирался.

«Я бы хотел тебя увидеть».

Девушка усмехнулась.

«А я смотрю на тебя».

«Откуда?»

«Здесь сотни видеофиксаторов. Я смотрю через них на тебя».

Человек поднял лицо и прикрыл глаза.

«Как тебя зовут?»

Переводчица впервые не отреагировала на вопрос.

«Ты здесь?»

«Никто никогда меня не спрашивал о таком», – тихо сказала девушка.

«Как же к тебе обращаются? – удивился Владимир и кивнул на полные трибуны. – Ты же общаешься со всеми этими уродцами».

«Каждая раса называет меня по-своему. Переводчик, глашатай, транслятор, репродуктор, архивариус, секретарь и так далее. И никогда с большой буквы».

«Звучит неубедительно, – подумал человек, – Даже в армии обращаться по званию считается фамильярностью. И прибегают к этому во время конфликтов или какого-то обострения».

Девушка опять промолчала.

«Конечно, если ты хочешь, чтобы тебя называли по должности».

«Нет! – громко возразила собеседница. – Нет! Я хочу имя! Я даже знаю, какое! Я об этом думала! Я бы хотела, чтобы меня звали... Но никто меня раньше не...»

«Какое имя?» – перебил Владимир.

Невидимая девушка выдохнула:

«Юмэ. Хочу, чтобы меня звали Юмэ».

«Хорошо, – подумал человек. – Значит Юмэ. Очень приятно познакомиться».

«Взаимно», – негромко ответила девушка.

Обретший имя искусственный интеллект исправно переводил.

Демосфен с высокой кафедры вещал о знакомых вещах. Международное право, суверенитет отдельных участни-

ков и консолидация усилий во времена кризиса.

Юмэ за несколько минут накачала мозг землянина информацией по Галактическому праву. Общие принципы те же, что на Земле. Больше внимания Прецедентам, примерно как в римском праве.

Конечно, невозможность лгать – наложило отпечаток на всю политику.

Начиная с того, что все договоры заключались устно – а Юмэ в ту же секунду вносила их в общую базу данных, и, заканчивая тем, что войн и конфликтов в привычном смысле в Галактике не было уже более полумиллиона лет.

Собственно, заседания Совета проводились со строгой периодичностью, но серьезных кризисов не случалось давным-давно. Последний кризис закончился чуть менее ста лет назад.

Об этом и говорил Демосфен.

– Все мы помним тревожный период новейшей истории, – вещал серокожий горбун с трибуны, – Когда нам потребовалось пересмотреть Декларацию об определении агрессии.

Владимир напрягся.

– Прежде агрессором признавался любой, кто применял силу к соседу, – продолжал Демосфен, – Но в силу экспансивной политики некоторых наших участников, нам пришлось расширить понятие агрессии. Вам сейчас перешлют соответствующие документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.